

тез возможен без насилия над фактами и логикой (к примеру, мы должны выбирать между формационной концепцией Маркса и теорией социокультурных суперсистем Сорокина, поскольку они реализуют альтернативные способы исторической типологии, неэклетический синтез которых невозможен). Но во многих случаях синтез возможен, гарантией чего являются единое предметное поле общественознания и согласие слушать друг друга.

Ю.М.РЕЗНИК (Институт человека РАН)

О СТАТУСЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И ЕЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Постановка проблемы

Пожалуй, нет для нас сегодня актуальнее и содержательнее вопроса, чем вопрос о том, куда идет современная социальная философия или, в нашем понимании, социальная теория¹⁴. Каким может или должен быть статус этой теории? Возможен ли ее антропологический статус? Заметьте себе, что речь идет не об онтологическом, не эпистемологическом и тем более не субстанциональном, а именно антропологическом.

Один из ведущих социальных философов России, выступая с докладом на 60-летию воссоздания философского факультета МГУ, стремясь к чистоте и прозрачности научного дискурса и отдавая должное классификации вариантов ложной или искусственной фрагментации социального знания, отнес попытки построить антропологическую версию социальной теории к односторонним модификациям и деформации социального знания.

Резник Юрий Михайлович (р. 1959) – доктор философских наук, профессор, специалист по социальной философии, теоретической социологии и социокультурной антропологии, главный научный сотрудник Института человека РАН. Автор монографий и учебных пособий, в т.ч. «Гражданское общество как феномен цивилизации» (Ч. 1. М., 1993; Ч. 2. М., 1998), «Социокультурная антропология: Историко-теоретическое введение» (М., 1998; в соавторстве), «Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология» (М., 1999), «Введение в социальную теорию. Социальная онтология» (М., 1999), «Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа)» (М., 2002; в соавторстве), «Гражданское общество: истоки и современность» (М., 2002; в соавторстве), «Социология. Основы общей теории. Учебник» (М., 2002; в соавторстве); «Введение в социальную теорию. Социальная системология» (М., 2003) и др.

¹⁴ См.: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Т. 1. Социальная эпистемология. (М., 1999); Т. 2. Социальная онтология (М., 1999); Т. 3. Социальная системология (М., 2003).

Мне нравится также его определение кризиса фрагментации теоретического обществознания как кризиса амбиций представителей тех или иных направлений в науке. Именно так я рассматриваю стремление самого профессора К.Х.Момджяна подвести теоретическую социологию под знамена философского знания, а точнее социально-философского знания. С этим связано его желание развести «софийную» и так называемую «научную» философию, т.е. совместить несовместимое, заниматься наукой и философией одновременно.

Мне представляется, что всякая философия, включая позитивистскую, по определению ценностно-ориентированна и софистична. В ней органически сочетаются стремление постичь мир должного и мир сущего. Отсюда две ветви одного философского древа — практическая, нравственная философия и теоретическая философия.

Про отношения социологии и социальной философии я не буду говорить. Здесь можно согласиться с К.Х.Момджяном в определении их предметных областей. Единственно, то, что у него называется социальной философией, по-моему мнению, философией не является.

На мой взгляд, есть три опознавательных различия между философским познанием социальности и социально-научным знанием.

Во-первых, и то, и другое имеют дело с сущностью, но сущностью разного порядка — *сущностью всеобщего* (как философия) или сущностью особенного (как наука).

Во-вторых, философия — это познание *сущего*, разумеется, в ценностно-должностном контексте (как здесь без него), а социальная наука — изучение существенного, существенных характеристик.

В-третьих, и философия, и наука проникают в *тайны и смыслы* социального бытия. Первая, формулируя априори предельно общие категории и законы, вторая — открывая законы социальной жизни и основываясь на разных способах интерпретации и анализа многочисленных фактов.

Как видно, между социальной философией и социальной наукой имеется определенная и весьма значительная граница, которую стремятся затушевать позитивистски ориентированные социальные философы.

«На самом деле» речь идет о социальной теории, пытающейся навести мосты понимания между представителями социальной философии и теоретически мыслящими социологами, социальными антропологами, политологами, социальными психологами и пр.

При таком понимании социальная теория — это *постижение общего в единстве сущности и существования (а не всеобщего и особенного), а сущего — в его существенном и существенного — в его сущем*. Она лавирует между философией и наукой, вбирая в себя их способы фрагментации и методы аргументации и представляя их в виде обобщенной картины социального мира.

Что такое социальная теория?

Начну с вопроса о том, что я понимаю под социальной теорией, поскольку за данным выражением закрепилось, по крайней мере, два значения: во-первых, аналог общесоциологической теории, во-вторых, некоторая выжимка из социальной философии, т.е. социальная философия в узком смысле. И то, и другое значения не является, с моей точки зрения, верными.

В моем понимании социальная теория есть специфическая и предельно высокая форма научной рефлексии как самой социальной действительности, так и научного знания об этой действительности. Отсюда вытекает ее деление на социальную онтологию и эпистемологию. В отличие от социальной философии она является научной теорией общества, так как опирается на методы научных исследований, а по сравнению с конкретными социальными науками (социологией, политологией и пр.), изучающими отдельные стороны или грани социальной реальности, она выступает наиболее общей теорией данной реальности.

В структуре социального знания такая теория занимает «срединное», промежуточное место между социальной философией и социальными науками. Тем самым она формируется как «интегративная» научная дисциплина, объединяющая философские основания социальных наук и их общетеоретические положения.

Социальная теория явилась реакцией на усиление догматизма «старой» социальной философии и чрезмерное усиление дифференциации социальных наук. Это — комплексная и интегративная социально-научная дисциплина, изучающая общество, *во-первых*, как один из уровней социума — предельно общей формы социального бытия людей, *во-вторых*, как часть социального мира, включающего не только сообщества животных, но и те формы социальной жизни, которые принято называть высшими.

В качестве примера социальных теорий можно привести теорию общественно-экономических формаций К.Маркса, теорию социального действия М.Вебера, теорию систем действия Т.Парсонса, теорию самореферентных систем Н.Лумана, теорию коммуникативного действия Ю.Хабермаса, теорию социального пространства П.Бурдьё, теорию структуризации Э.Гидденса и др.

В отечественной социальной мысли к ярким представителям социальной теории следует отнести С.Л.Франка, П.А.Сорокина. Современные исследования в области общей социальной теории демонстрируют, с одной стороны, приверженность старым догматическим схемам марксизма, а, с другой, «всеядный плюрализм», стремящийся согласовать порой противоречивые позиции в безбрежном океане социальных идей.

Мы до сих пор стоим на пороге формирования научных школ в России. Как известно, ядром такой школы выступает парадигма, господствующая в определенном научном сообществе, которое имеет четко выраженную организационную структуру — лидера, его соратников или сподвижников и многочисленных учеников.

Но это вовсе не значит, что теоретической социальной мысли в России не существует, как полагает А.Ф.Филиппов¹⁵. Она существует в сегодняшней России, обескровленной в духовном плане бесконечными реформами и сменой идеологических устоев. Однако процесс институционализации социальной (и социологической) теории чрезмерно затянулся, хотя на Западе он длился больше столетия. Поэтому можно отчасти согласиться с А.Ф.Филипповым в том, что в нашем сообществе «нет обширных и постоянных коммуникаций, тематизирующих, прежде всего, фундаментальную социологическую теорию, нет обширных концептуальных построений (разветвленной теории), нет достаточно самостоятельных последователей... какой-либо признанной западной школы, нет и заметных претензий на создание своего большого теоретического проекта»¹⁶.

Сегодня можно в лучшем случае говорить об исследовательских традициях в отечественной социально-теоретической мысли, наметившихся в 90-е годы прошлого века. И все же среди наших соци-

¹⁵ См.: Филиппов А.Ф. Теоретическая социология // Теория общества. Сборник. М., 1999. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 7-8.

альных ученых имеются, вопреки мнению А.Ф.Филиппова¹⁷, представители марксистской традиции, стремящиеся утвердить доктрину К.Маркса в качестве альтернативы позитивистскому мышлению¹⁸; последователи научной традиции, получившей в последнее время название «социокультурный подход», фундамент которого заложили П.Сорокин и Т.Парсонс (Н.И.Лапин, Ю.М.Резник¹⁹); сторонники П.Бурдьё, развивающие его теорию в духе постструктурализма (Ю.Л.Качанов и др.); последователи социальной теории Р.Коллинза, разделяющие его сравнительно-исторический подход к дифференциации социально-гуманитарного знания (Н.С.Розов). Весьма интересные теоретические положения содержатся в учебных пособиях по социальной философии (В.С.Барулин, В.Е.Кемеров, К.Х.Момджян, К.С.Пигров), общей социологии (М.С.Комаров, С.С.Фролов, А.Г.Эфендиев), теории социальной и культурной антропологии (Э.А.Орлова). В сфере социального и социологического теоретизирования сегодня успешно работают А.М.Руткевич, А.А.Давыдов, А.Д.Ковалев и др.

Даже беглый обзор отечественных концепций и подходов в области социальной теории свидетельствует о назревшей потребности в обобщении и систематизации теоретических позиций наиболее авторитетных и признанных (благодаря их научным публикациям) членов научного сообщества²⁰.

¹⁷ К какому же направлению мировой социальной мысли причисляет себя А.Ф.Филиппов, трудно сказать. К сожалению, хотя я и не знаком в полной мере с его теоретическими взглядами, но не разделяю его позицию в том, что в современной России нет претензий на разработку теоретического проекта в области социальных наук. Об этом свидетельствует созданная им же самим серия «Социальная теория, политика и право» в 1998 г. совместно с С.П.Баньковской и Н.Д.Саркитовым.

¹⁸ К ним относится значительное число российских социальных ученых, представляющих в основном старшее поколение.

¹⁹ Автору данного текста удалось подготовить и издать в течение 1999-2003 гг. печатную версию проекта «Социальная теория» в 3 томах: 1) Введение в социальную теорию. Т. 1. Социальная эпистемология (1999); 2) Введение в социальную теорию. Т. 2. Социальная онтология (1999); 3) Введение в социальную теорию. Т. 3. Социальная системология (2003). В настоящее время проект еще далек от совершенства. Работа над ним постоянно продолжается. И дело не только в подготовке очередных томов (предполагается издать еще два тома — «Социальная праксиология» и «Теория российского общества»). Многие положения, опубликованные автором, либо устарели, либо требуют дальнейшей переработки, необходимо также обновить библиографию и тщательно сверить цитаты и высказывания.

²⁰ В рамках проекта «Социальная теория» автором планируется издать библиографический справочник «Социальная теория в России XXI века: Ученые и концепции».

Социальная теория как результат интеграции социально-философского и социально-научного знания

Социальная теория является результатом междисциплинарного синтеза социальной философии, с одной стороны, и общих социальных наук (социологии, социальной антропологии и социальной психологии), с другой.

Общесистемная интеграция затрагивает все слои научного знания как внутри социальных наук, так и за их пределами. Первый тип интеграции мы условно назовем «внутренним», а второй – «внешним».

«Внутренняя» общесистемная интеграция

Вместо привычного традиционного и дисциплинарного разделения социальных наук на конкретные области (социология, антропология, психология и т.д.) формируется совершенно иной способ дифференциации социально-научного знания. В его основе лежат *«интеграллизм»* как теория и методология социальных исследований.

Социальный мир (социум) дифференцируется, как известно, на три взаимосвязанных сферы бытия – личность, культура и общество (социальная организация в целом), каждая из которых является предметом изучения комплекса наук. Однако ни одна из них не может рассматривать указанные сферы в качестве интегрального объекта. Для этого необходим совершенно новый тип «интегрального» знания, основанного на системном и комплексном подходах.

По мере развития «интегралистских» процессов внутри социальных теорий, последовательно и комплексно изучающих личность, культуру и общество, постепенно складываются «структурные инварианты», т.е. сходные или, по крайней мере, сопоставимые компоненты этих теорий.

«Внешняя» общесистемная интеграция

Данный тип интеграции предполагает, с одной стороны, определение интегральных связей с философией, а с другой, выявление междисциплинарных связей с естественными науками, находящимися как бы на «периферии» социально-гуманитарного знания.

Сегодня мы можем наблюдать две основные тенденции общесистемной интеграции социально-научного знания. С одной стороны, проявляется тенденция к поиску философских оснований социальной теории и ее общего мировоззренческого стержня, базирующегося на идеях гуманизма, а с другой, происходит процесс сближения естественных и социальных наук, в результате которо-

го социальная теория обогащается новыми понятиями и представлениями.

Какой «не должна быть» социальная теория?

Говорить о том, что теория должна быть логически обоснованной, или о том, что она не может быть оторвана от практики, сегодня явно недостаточно. Гораздо важнее строго определить предметную сферу такой теории. К сожалению, здесь имеются, если не полнейший хаос, так уж точно разброд и шатания. К чему методологическая культура, если ее можно обойти либо старыми ортодоксальными схемами, либо позитивистской интерпретацией теоретической социологии, либо новыми спекуляциями о социальной сфере? Ф.А.Хайек не случайно предупреждал об опасности злоупотребления термином «социальный», который он называл не иначе как «словом-лаской», высасывающим содержание слов, с которыми оно сочетается.

В настоящее время социальная теория должна избежать двух опасностей и двух крайностей, которые ее могут погубить – положения ортодоксального социологизма времен господства исторического материализма, с одной стороны, и ситуации теории узкого назначения, обслуживающей интересы чиновничьей корпорации, с другой. Обе версии ревизии современной социальной теории связаны с полярными точками зрения на природу социального и социальной реальности. Еще одна опасность подстерегает социальную теорию в ходе позитивистской реконструкции ее методологического оснащения.

Первая позиция в построении социальной теории уподобляет последнюю общей теории общества. Так, по мнению М.Н.Руткевича, материалистическое понимание истории, созданное Марксом, по-прежнему выступает социальной философией, философией истории и макросоциологией²¹.

Как же это возможно, чтобы различные уровни и типы знания об обществе были сосредоточены под единым названием и по сути дела были тождественны друг другу? Такое, мягко говоря, допущение, не только отрицает возможность существования социологии как науки, но и отказывает философии в наличии у нее собственной специфики познания. отождествление социальной философии и общей теоретической социологии характеризует давно изживший себя и весьма дог-

²¹ Руткевич М.Н. Общество как система. Социологические очерки. М., 2001. С. 55.

матический взгляд, препятствующий в жесткой форме институционализации двух родственных и вполне самостоятельных дисциплин — социологии и социальной философии.

По-видимому, автор до сих пор не выделил для себя промежуточный уровень теории, который соединяет между собой социальную философию и социологию, оставляя за ними право на самостоятельный путь развития в безбрежном океане познания.

Со времени выхода фундаментальных работ Т. Парсонса и Э. Гидденса уже нельзя рассматривать социологическую теорию как науку о законах функционирования и развития социальных систем²². Ее предмет значительно уже, а именно — изучение социетальных явлений и процессов в современном (индустриальном и постиндустриальном) обществе. Точно так же не стоит искусственно приписывать социальной философии функции теоретического обобщения конкретных социологических исследований, как это было в эпоху доминирования исторического материализма.

Другая крайность заключается в попытке некоторых исследователей неправомерно сузить предметное содержание социальной теории. Недавно мне попала в руки брошюра с привлекательным и многообещающим названием «Социальная теория: Общие основы и особенности России» (автор — И. К. Ларионов, экономист по образованию).

Вот уже не первый раз предпринимается попытка свести научную теорию социального к теории одной из его сторон или сфер, прежде всего — так называемой «социальной сферы общества»²³. Выделение этой сферы в научном познании — дело весьма сомнительное. Пусть этим балуются господа чиновники, которым надо видеть во всем объект администрирования или административного регулирования. Но когда исследователи пускаются в рассуждения о приоритетах социальной сферы жизни российского общества, то я вижу здесь, кроме поверхностного понимания и методологической засоренности языка чиновничьей «науки», еще и грубую онтологическую ошибку, а также подмену понятий — выделение этой сферы по иному (отнюдь не по деятельностному или функциональному) основанию.

²² Там же. С. 45.

²³ Некоторые представители вузовской общественности даже посвятили свои монографии и диссертации новой «научной» дисциплине «Социология социальной сферы».

На фоне столь неоднозначной версии социальной теории представления Н. С. Розова о логической структуре и научном статусе социально-исторической теории выступают полной противоположностью²⁴. Перед нами образец строгого в формально-логическом смысле теоретизирования по исторической проблематике. Опираясь на труды позитивистски настроенных западных ученых и оперируя понятиями «парадигма», «исследовательская парадигма», «методологическая лестница», автор детально анализирует состав и основные исследовательские процедуры исторической теории. Он демонстрирует нам добротное знание методов теоретической истории, процедур их применения, например, «проблематизация», «предметизация», «исходная теоретизация», «логико-эвристический анализ», «содержательный анализ» и т. д. При таком подходе и в таком виде теория «освобождается» от тлетворного влияния философии с ее субъективистскими интенциями, но еще не превращается полностью в формальную (например, математическую) теорию. Здесь мы имеем дело с неким «гибридом», родившимся от искусственного скрещивания вырванного из контекста содержания теоретической социологии/истории и позитивистской методологии/логики науки.

На первый взгляд, складывается впечатление о том, что именно такой и должна быть подлинно научная социальная или историческая теория, если, конечно, отбросить опыт феноменологического и символично-интерпретативного анализа социальной/социокультурной реальности, который практически игнорируется в данной работе. Вряд ли сам автор такой детализированной методологической схемы теории сможет выполнить хотя бы часть прописанных им процедур, не впадая в дебри придуманных им схем и интерпретаций.

Конечно, данная схема разработки и апробации метода теоретической истории заслуживает внимания. Кто-то же должен в научном сообществе проделать огромный труд по систематизации разрозненных представлений и методологических изысков западных исследований и представить нашим читателям их аналитическую выжимку.

Итак, на вопрос о том, какой не должна быть, с моей точки зрения, социальная теория, можно ответить так: во-первых, она не должна быть догматической и ортодоксальной (как сказал классик, «марк-

²⁴ См.: Разработка и апробация метода теоретической истории / Под ред. Н. С. Розова. М., 2001.

сизм не догма, а руководство к действию») теорией общества, диктующей свои положения и выводы другим наукам (никто еще не доказал правомерность существования единой теории общества и не отверг неправомерность принципа идейно-теоретического плюрализма в социальной науке); во-вторых, она не должна быть спекулятивной теорией о том, что на самом деле существует лишь в представлениях бюрократии и в воображении некоторых нерадивых исследователей, не желающих открыть для себя высокой теории и пускающихся в сомнительные рассуждения о социальной сфере общества; в-третьих, социальная теория, прошедшая длительный путь социально-научной эволюции и философского вызревания, не должна уподобляться позитивистски ориентированной формально-логической схеме социально-исторического процесса; она не может не учитывать весь широкий и разнообразный контекст социального теоретизирования, накопленный как объективистскими, так и субъективистскими, функциональными и феноменологическими школами и направлениями.

Об антропологическом повороте в современной социальной теории

Вот здесь мы подходим к тому, чего не хватает сегодня и фрагментированной социальной философии и десубъективизированной социальной теории.

Антропологизация отечественного обществознания явилась следствием его системного кризиса, чертами которого исследователи считают, с одной стороны, общий кризис рационализма вообще, а с другой, функциональный кризис так называемого теоретического обществознания (а по сути дела — социальной философии), которое перестало восприниматься конкретными социальными учеными как общая теория социума. Этому способствовало в немалой степени применение естественнонаучной и позитивистской логики и методологии социальных исследований.

«Внутренний» кризис социально-философского знания — это кризис притязаний и амбиций авторов известных учебников, которые никак не могут смириться с потерей их дисциплиной статуса общесоциологической теории. Они ни в коем случае не могут отказаться от принципа бинарности в предметной области социальной философии, по-прежнему смешивая социологические категории «деятельность», «действие», «взаимодействие» с категориями философии — «субстанция», «материя», «сознание». Отсюда вытекает противоречие между

желанием «постичь непознаваемое», проникнуть в тайны мироздания (т.е. чисто философской интенцией) и установкой на использование критериев научного дискурса и обоснования суждений.

В чем же заключается суть антропологического поворота и антропологического подхода в социальном познании? Отнюдь не в сомнительной тенденции к всеобщей антропологизации научного знания или в постижение человека вообще. Человека вообще, как и общества вообще, не существует в реальности. Зато имеется множество картин человеческого мира.

Социальная теория (будь то философская или строго научная) никогда не имела дело с целостным человеком, интегрированным субъектом. Она изучала и изучает его в усеченном виде, как человека социального, политическое животное, социальный атом, личность и т.п.

Попытаюсь показать теперь то, в чем заключается именно антропологический ракурс социального познания.

Специфика антропологического подхода заключается прежде всего в том, чтобы раскрыть сущность родового человека как субъекта и творца мира и самого себя. Поэтому главный тезис антропологического поворота в социальном знании сформулировал еще И. Кант в своем проекте прагматической антропологии. Это — «исследование того, что человек как свободно действующее существо *делает или может и должен делать из себя сам*». Самоделание или точнее самодеятельность, свободное и сознательное конструирование человеком самого в себя в обществе и посредством общества — вот основной предмет научного интереса антрополога. Именно в этом заключается, по мнению многих исследователей, смысл культуры.

С этой точки зрения человек рассматривается как самореферентная система, а общество — как одна из граней его самоактуализации и рефлексивного постижения. Свобода же свободного человека в каждом конкретном обществе имеет свои границы. Предельно доступной формой свободной самоорганизации социума на современном этапе выступает гражданское общество, в котором и посредством которого человек осуществляет себя как родового человека.

Поэтому антрополог в отличие от представителя субстанциально-деятельностного анализа не будет искать «вечную» инстанцию и клеточку социального бытия — единую субстанцию социальной жизни, а примет анализ одного, единственного случая или жизненной ситуации, в которой представлено все разнообразие социального мира человека.

Далее. Антропологический поворот — это скорее *поворот сознания ученого* и всего процесса познания, в результате которого изменяется представление о человеке как существе одномерном — политическом, экономическом или социальном.

По мнению Н.Лумана, человек не входит в социальную систему целиком. Он включен в нее лишь одной своей гранью — личностью, опосредующей его взаимодействие с социальным окружением. Но в этой своей грани он представляет собой целостную соотнесенность разных миров и органическую привнесенность человеческого мира в мир социального.

Пределом исканий традиционных социальных ученых является многомерный человек, исследования которого базируются на методологии комплексного анализа. Однако *постижение многомерности человеческого мира* и человека как референтной системы еще не гарантирует его антропологическое видение или понимание.

При субстанциальном подходе человек рассматривается исключительно как субъект и продукт деятельности. Исследователя интересуют только деятельностные определения и способности человека. Все остальное, недеятельностное отходит на второй план. Вопрос о духовности или формально-правовом статусе также отпадает.

Каков же напрашивается вывод? Нужна другая, более адекватная методология изучения человека, рассматриваемого в контексте его взаимодействия с обществом.

Антропология за многие столетия своего развития накопила достаточный методологический арсенал, чтобы внести коррективы в процесс социального познания человека.

Первое. Одно из важных качеств антропологического поворота в социальном познании — это *взгляд с позиции иного* (заметьте, не инакомыслия, а иномыслия и инобытия). По словам западного социального теоретика Э.Гидденса, социология изучает нас, белых, живущих в индустриальном обществе, антропология же с самого начала исследует их, черных, существующих в традиционном обществе с первобытным укладом жизни. Сегодня антропология в силу «утраты» своего классического объекта обратилась к проблемам современного общества, сохранив при этом *методологию исследования иного*.

Иное — это не только своеобразие народов и людей, но и мир запредельных вещей, постигаемых порой лишь в состоянии измененного сознания, которое граничит с помешательством (магия и колдов-

ство). В социологии, особенно функциональной и субстанциальной, иного, кроме социально-исторических детерминант поведения или субстанции деятельности, не дано. Все, что не укладывается в прокрустово ложе аналитической модели ученого, не может быть объектом его внимания.

Второе. Взгляд с позиции иного предусматривает другую ориентацию и разнообразные конкретные приемы исследователя. По мнению Леви-Строса, антропология в отличие от традиционной науки строит науку об обществе с точки зрения наблюдаемого. Она расширяет объект своего исследования, включая туда общество самого наблюдателя, достигая тем самым ситуации рефлексивного взаимоотражения наблюдателя и наблюдаемого. Вся же традиционная социология, включая и субстанциально-деятельностную, изучает общество и человека с позиции наблюдателя. Поэтому мир таков, каким его видит исследователь.

Методология исследования общества с точки зрения наблюдаемого опирается на непосредственный, живой контакт исследователя с туземцами (будь то австралийскими аборигенами, членами современной промышленной организации, иммигрантами или учеными), в результате которого восстанавливается весь контекст жизни связей исследуемых, включая присутствие в данной ситуации самого исследователя.

Третье. Традиционный социальный ученый, исповедующий функциональную или субстанциальную идеологию, будет реифицировать, по словам Э.Тирикьяна, непосредственно видимое, т.е. институциональные системы, принимая их зачастую за истинную структуру общества. Ей неведомы латентные структуры, в т.ч. структуры коллективного бессознательного, лежащие в основе динамики культуры. Социолога-субстанциалиста интересуют только стандартизированные формы поведения, одним словом, упорядоченная социальность, организованная посредством деятельности в «клеточки», «кирпичики» и «атомы».

Антрополог же начинает свое погружение в повседневную реальность с выявления доструктурных и неинституциональных форм жизни или общежития людей. Он стремится проникнуть в глубинные пласты культуры, предшествующие появлению институциональных структур.

Такие доструктурные и дотипологические формы социального существования человека Л.Г.Ионин называет диффузными, против-

поставляя их концентрированным формам. Однако поиск универсальных ценностей и образцов совместной жизни людей, преследующий антропологическое воображение с момента его превращения в научное познание, несколько осложняет и затрудняет процесс постижения человека.

Итак, антропологический ракурс социального познания состоит не в том, чтобы призвать всех социальных ученых стать под знамена антропологии или убедить их вернуть человека в социально-научную проблематику. Его назначение заключается в том, чтобы дополнить субстанциальную картину человека, обреченного жить в статусно-иерархическом и системно-детерминированном обществе, одним существенным штрихом — антропологическим видением, предполагающим социальное конструирование реальности, которое достигается в процессе свободного саморазвития свободного человека.

+ Гражданское общество и проблемы общественного сознания

В.Н.ШЕВЧЕНКО

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Проблематика сложных путей становления гражданского общества в России является чрезвычайно обширной. Однако без всякого преувеличения можно сказать, что в течение всего XX в. в центре внимания общественной мысли в России оказывался вопрос о борьбе российской интеллигенции за политические реформы в стране, за гражданские права и свободы человека. И тем не менее в трактовке места и роли интеллигенции в процессах становления гражданского общества остается много неясного и дискуссионного.

С особой остротой и интенсивностью эта проблема стала обсуждаться в годы горбачевской перестройки и ельцинских реформ. В ходе многочисленных дискуссий, в выступлениях писателей, ученых, политиков нередко высказывались прямо противоположные суждения по поводу той роли, которую сыграла интеллигенция в важнейших событиях ушедшего века и особенно последнего десятилетия, резко изменивших направление и смысл исторического развития России. В этих дискуссиях по вполне понятным причинам доминировала публицистическая манера обсуждения, она позволила решить целый ряд

Шевченко Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии РАГС при Президенте РФ.